

Алексей Просвет

г. Энгельс

Крёстная

Повесть

(Продолжение.

Начало в № 9–10/2016, № 7–8/2017)

Играла пластинка Леонида Утёсова. Во главе стола сидела Прасковья и о чём-то разговаривала с родителями Елены. Старики судачили между собой о делах, парни и девчата танцевали в стороне. Тося и Николай сидели с другой стороны большого стола, Николай шептал Тосе на ухо что-то личное, из-за чего Тося смущалась оглядывалась, боясь что их разговор услышит кто-нибудь ещё. Увидев брата, она остановила Николая:

– Коль, вон посмотри – Лёнька уходит, сам не свой. Лёнь, – позвала она брата, – иди сюда.

– Чего, Тося? – подойдя, спросил Лёнька.

– Ты чего такой хмурый ходишь? Наоборот, радоваться должен.

– Ай, Тось, не приставай, – отмахнулся Лёнька.

– Не переживай, договорятся, лучшего жениха для твоей Ленки им не найти, – успокаивая, сказал Николай. – Конечно, если бы

не Тоська, то не видать бы тебе Елены как своих ушей. Увёл бы, – и подмигнул Лёньке.

На что Тося ответила:

– Вот я тебе сейчас как дам! – и пихнула Николая локтем в бок.

– Тихо ты, – ответил Николай, – пошутил я, пошутил, – и продолжил: – Тебе, Лёня, ещё повезло, не то что мне. Вот ты за Еленой сколько ухаживал? Год? А я за Тосей почти два ходил, потом в 43-м на фронт ушёл. А в конце 45-го из госпиталя вернулся, и только три года назад мы с Тосей свадьбу справили. Так что я ждал дольше твоего, с 17 лет ухлёстывал за ней. Помнишь, Тось?

– Забудешь тут, как же... вечерами караулил, – ответила Тося.

– Так что не переживай ты так, – продолжил Николай, – у вас даже имена почти одинаковые: Лена и Лёня.

– Лёня – это Леонид, а я Алексей, сколько раз вам говорить.

– А нам нравится тебя Лёней называть, – ответила Тося.

– А вот и Прасковья Фёдоровна идёт! – сказал Николай. – Сейчас узнаем.

– Ну что, мам? – в один голос произнесли Лёнька и Тося.

– Вы о чём? – спросила Прасковья.

– Сама знаешь, – ответила Тося.

– Ну, не томи уже, – в нетерпении маялся Лёнька.

– Ах, вот вы о чём, – с улыбкой ответила Прасковья. – Ладно, скажу, так уж и быть. Будет свадьба.

– Вот видишь, я же говорил! – похлопав по плечу Лёньку, сказал Николай.

– Когда, мам, когда? – допытывался Лёнька.

– Сразу после яблоневого спаса.

Лёнька обрадовался и стал обнимать Прасковью и Тосю.

– Всё. Я сейчас пойду скажу Елене, она там во дворе тоже ждёт, переживает.

– Беги, сынок, с Богом, – ответила Прасковья.

Лёнька выбежал из дома, а через минуту он и Елена вбежали в дом счастливые и довольные. Подошли к родителям, поклонились, получили их благословение. По-

сле этого Лёнька взял в руки гармонь и заиграл. Играл бойко, от радости чуть меха не порвал. На седьмом небе от счастья был. А Елену окружили подруги и делили с ней радость. Передав гармонь, Лёнька подбежал к Елене и потянул её танцевать в круг. Долго они кружились в танце, пока девочки не запели песню, а остальные их не поддерживали:

*Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песни ему?..*

Пела с ними и Тося, обняв Николая и радуясь всем сердцем за Елену и Лёньку.

Пели крестницы, баба Шура и баба Надя. Дед Николай в сторонке от них рассказывал деду Матвею, что где-то на МКАДе людей пробка мучает. А что за пробка и как от неё излечиться, никак не поймут. Но лекарства всё-таки ищут.

– Вот, Нинуль, – обратилась Антонина к крестнице, – был бы папка ваш жив, вместе порадовались бы. А твой Лёшка – ну копия брат Лёнька. Как две копии.

– Так я его в честь папки и назвала, а Валентина в честь Мишиного отца назвали. Ну а младшего Артёмом, потому что мне имя нравится.

– Нинуль, я это, твоего Мишу во сне видела. После того, как он один приезжал крышу красить в летней кухне. Он крышу-то покрасил, а после взял бутылку водки да там всю ночь на кухне и просидел. Квадратики спьяну отгадывал. Вспомнила. Кроссвордами они называются. А под утро уснул. Так я его на утренний автобус еле добудилась. Ну, шут с ним. Сон-то, говорю, видела про него. Вроде как тут, в деревне. Только Лёнька как будто жив. И запрягает он лошадь с телегой да со двора выводит. Фляги с мёдом на неё начинает грузить, чтобы на продажу везти, а тут Мишка твой появляется. Я даже во сне удивилась. И значит, подходит он к Лёньке и говорит: «Дядь Лёш, давай помо-

гу». А он ему: «Ну помоги». Погрузили они фляги-то эти, а тут Миша и говорит Лёньке: «Дядь Лёш, а можно я с тобой?» А Лёнька у него спрашивает: «А искать-то тебя не будут, Мишенька?» «Не будут», – отвечает. «Ну, садись в конец телеги». И Мишка твой словно ребёнок обрадовался. Прыгнул в телегу, ногами болтает туда-сюда. Поехали они вместе. Я смотрю, а у Миши твоего глаза грустные, а потом он мне рукой так помахал на прощание. Я и проснулась, – закончила свой рассказ Антонина, а после спросила: – И что ж, Ниночка, опять с ним разошлась?

– Ох, крёстная, ты мне сейчас рассказала, а у меня мурашки по коже от этого. Вот, гляди, на руках кожа гусиная.

– Что ж так вдруг?

– Миши с того года в живых уж нет. Убили.

– Да ты что? – испуганно восприняла известие Антонина.

– Да, крёстная. А мы ведь его и впрямь не искали. Я с ним тогда в очередной раз разбежалась. А он у свекрови жил почти полгода. И вдруг пропал. Свекровь думала, или в загул у друзей своих, или ко мне вернулся. А оказалось, он калымить ушёл. Дачу кому-то строить. Возвращался с деньгами, а по дороге его ограбили и убили. При нём ни документов, ничего не было. Оpoznать не могли. Ориентировок в милицию не поступало. Так за счёт государства и похоронили. Узнали об этом, когда поминать на сороковой день надо было.

– Как же это так, Нина? – с горечью произнесла Антонина.

– Судьба, крёстная, судьба.

– Да какая судьба? Грех всё это! Ну теперь он там, рядом с Боженькой, убиенный всё-таки. Царство ему Небесное, – и перекрестилась. – Вот тебе и сон. Ох ты, Господи, Господи!

– Крёстная, я ж совсем забыла, – перевела разговор Нина на другую тему и позвала Артёма. – Артём, сходи к машине, достань из багажника инструмент.

– Понял, – улыбнувшись, ответил Артём.

– Крестная! – продолжила Нина. – У меня же Артём до сих пор в ансамбле рус-

ского народного творчества занимается и на гармони играет.

– Это на Саратовской?

– На Саратовской, я его специально туда отдала учиться, чтобы как наш папка играл.

Вернулся Артём с гармонью в руках, присел на стул и заиграл. Когда играл Артём, Антонина не могла сдержать слёз радости. На мгновение ей захотелось поверить, что перед ней сидит и играет брат Лёнька. Даже песни были те же самые. Сердце в её груди билось, и его биение отдавалось в душе колокольными перезвонами. Артём играл, а когда закончил, заговорила Антонина:

– Ай да Тёмушка, ну, уважил старую. Порадовал. Мой самый любимый крестник. Я ведь Ниночкиных детей тоже крестила в нашей церкви. Вот только крёстной меня батюшка-настоятель записал лишь Артёмушки, – стала объяснять гостям Антонина. – Валентину, значит, крёстной доводится Людочка, а крёстным – Саша, а Алексею из Мишиной родни, по-моему, его брат Владимир и жена его, так ведь, Нин?

– Всё правильно, – ответила Нина.

А потом Антонина обратилась к Людмиле:

– Людочка, а как Елена поживает? Не хворает?

– Болеет она, тётъ Тонь, – ответила Людмила.

– А чего ж с ней такое?

– Всё так же, – вздохнув ответила Людмила. – Приступы эпилепсии, особенно когда волнуется. А три года назад вообще думали, что потеряем её.

– Что случилось? – встревоженно спросила Антонина.

– Она блины на Масленицу задумала печь. А нас в этот момент дома не оказалось. Мы все к Сашиной маме поехали, а она осталась. Вот, видимо, решила блинами заняться. Уж не знаю, как там всё произошло. Может, переволновалась иль ещё что. Но приступ с ней случился. Она когда падать стала, в беспомощности по инерции за раскалённую сковороду ухватилась и сжала её, да к тому же при падении головой об стол ударилась. Голову сильно разбила.

Мы когда домой вернулись, сразу скорую вызвали. Целый месяц мамка в больнице пролежала. Хотя и выписали, а правая рука у неё так и не двигается. Все сухожилия на пальцах повредило горячей сковородой.

– Ой, Господи, Господи! Да что же ты её так наказываешь?! – в отчаянии произнесла Антонина и обратилась к крестницам: – Берегите мамку свою. Она хорошая. Мы с ней очень сильно дружили. Жили душа в душу, как две сестры. Вот бы увидеться с ней. С Леночкой, родимой, – заплакала Антонина. – Вот бы свидеться. Я, почитай, 30 лет с ней не виделась. Всё письма да открытки. Привезите, крестницы, её ко мне в гости хоть на денёк. Вот как следующий раз поедете, так с собой и возьмите, – утирая слёзы просила Антонина. – Мы хоть с ней, голубушкой, наговоримся вдоволь. Как же я по ней скучаю. Домой приедете, привет ей от меня с самыми лучшими пожеланиями передавайте. А завтра я подарков ей отправлю с вами.

– Обещаем, баб Тонь, – за всех ответила Людмила. – Как в следующий раз к тебе соберёмся, мамку с собой возьмём обязательно.

– Вы уж, пожалуйста, возьмите её с собой. Уж я вам век благодарна буду, – и, вздохнув, добавила: – Охо-хо-хо-хо, Леночка... Леночка, родненькая моя!

– Крёстная! – обратилась к ней Нина. – А у меня ведь с собой есть мамкина фотография. Только она шесть лет назад была сделана. Она у меня в сумочке, в записной книжке. Хочешь, подарю?

– Конечно, Нинуль. Подари, если не жалко.

– Я сейчас! – Нина пошла в дом.

– Дед! – позвала Антонина – Ты где? Нина сейчас Еленину фотографию покажет. Иди посмотри!

– Он тут, баб Тонь, – ответили Вера и Валентин. – На лавочке сидя уснул.

– Ну вот, спёкся дед. Разморило. Говорила я ему – развезёт ведь на старые дрожжи, не пей, погоди. За стол сядем, вот тогда... – жаловалась Антонина. – Он ведь в летней спрятал и втихую попивал. А утром так вообще к фляге приложился.

Из дома вышла крестница Нина с фотографией.

– Вот, крёстная, мамкина фотография!

Антонина взяла фотографию и повернулась к свету.

– Леночка, узнала сразу. Какая же она стала! Постарела. Ну ничего. А вот красота так при ней и осталась. Не смогли её годы стереть. Ай, Леночка, ты моя хорошая.

– Тонь, кто это? – спросила баба Шура.

– Это Елена наша. Жена моего брата Лёньки. Помнишь, в Алексеевке жили?

– Как же, конечно помню. Сколько годов-то прошло, а помню. Дай, Тонь, карточку поближе посмотрю.

Антонина передала фотографию бабе Шуре.

– И правда Елена! Ну прям-таки не изменилась.

А за бабой Шурой и остальные старики стали поочерёдно смотреть фотографию.

– А теперь-то где она? – спросила баба Надя.

– С Людой в городе живёт, – ответила Антонина и, взяв обратно фото, ещё раз взглянула на него.

– Спасибо тебе, Никуль, – поблагодарила Антонина и бережно убрала фотографию. Завтра в рамку поставлю с остальными.

– Ну что? Ещё по пять капель, и споём? – неожиданно заговорил дед Николай.

– Смотрите-ка, дед проснулся, – засмеялась Антонина.

– А я, Тось, и не спал. Это я так, глаза прикрыл. Подумал маленько.

– Правильно. Какой там спать, если на столе ещё не все выпито, – подковырнула деда Антонина.

– В этом солидарность у меня с тобой полная. Я ведь про то же и говорю. Тут работы непочатый край. Думаю, отдохну немного. И снова в бой. Так сказать, со свежими силами, – и дед Николай, подмигнул гостям. – А ну-ка, Артём, подыграй, если знаешь такую песню. Я спою.

Когда весна придёт, не знаю,

Пройдут дожди, сойдут снега.

Но ты мне, улица родная,

И в непогоду дорога.

Подхватили и все остальные. А потом попросили спеть и Антонину. И она не отказалась. Запела:

Белым снегом, белым снегом

Ночь метельная ту стёжку замела,

По которой, по которой

Я с тобой, любимый, рядышком прошла.

Стемнело. Зажглись фонари. А над улицей неслась песня под гармонь. И слышно её было далеко-далеко.

Закончилось застолье. Гости разошлись по домам. Крестницы убрали посуду.

– Тётъ Тонь, а не те ли это тарелки, что наш папка тебе и дяде Коле подарил на годовщину свадьбы? – спросила Людмила.

– Те самые, Людочка, те самые, – ответила Антонина.

– Надо же, – удивилась Людмила. – А я сначала не поняла, а тут вон как, и не разбились же.

– Все, Людочка, целые, до одной. И я их берегу как память. И достаю только по большим праздникам.

– Ну ты, тётъ Тонь, тоже скажешь. Мы ведь просто в гости приехали. Стоило ли?

– Стоило, Люда, стоило. Я ведь этим приездом вашим и буду жить до следующей встречи, а Елену в другой раз обязательно возьмите с собой.

– Привезём, тётъ Тонь, я же тебе говорила.

– Вот и хорошо. А посуду в сени снесите, да там и оставьте. Я утром вымою. Ладно, миленькие мои, пойду постель вам приготовлю. Заодно покажу, кто и где будет спать. Места всем хватит, – и Антонина зашла в дом.

Когда со стола было убрано и все легли спать, Антонина прошла на кухню, подвела ходики на стене. Зажгла перед святыми ликами свечу. И стала молиться. Как всегда, под размеренный ход часов. За всех просила она Бога. За каждого она переживала. И каждый был ей дорог. Поблагодарила Бога за всё. И за хорошее, и за плохое, что случилось. А поблагодарив, пошла спать.

Проснулась Антонина тоже рано, ещё до восхода солнца. На кухне подтянула гирь-

ки и прочла утреннюю молитву, затем прошла в спальню, где спала крестница Нина, и укрыла её упавшим на пол краем одеяла, а после долго смотрела на неё с чувством счастья и умиротворения.

«Слава тебе, Господи! Все дома», – мысленно благодарила Антонина. Она бы многое отдала, только бы эти минуты не заканчивались или выпадали как можно чаще.

«Вот в чём богатство. Вот в чём смысл жизни! – размышляла она. – Ведь к концу жизни, только это и остаётся, только это и имеет истинную ценность. Оказывается, что к этому и надо стремиться. Жить в любви и согласии с родными и близкими. Родниться. Жить дружно. Дорожить этой родственной нитью. Беречь её, чтобы не оборвалась. Ведь получается, что для Настеньки она уже прабабка, но и своего прадеда Игнатия она помнит. Между её прадедом и правнучкой целая эпоха рода Заботиных. Семь поколений – это ли не реликвия? Этим ли не дорожить? И что может быть страшнее забвения того, кто дал жизнь последующим? Жизнь прожить надо так, – выводила Антонина формулу смысла жизни, – чтобы после смерти и правнуки могли прийти на могилку прибрать и свечку поставить за упокой. И молодое поколение надо к этому приучать, чтобы это было у них в крови. А они в свой черёд смогли передать это своим детям. Ценить и почитать родственные узы. Вон я во все дни поминания усопших хожу на могилку, ухаживаю за ними, в церкви ставлю свечи и брату Лёньке, мамке Прасковье, деду Фёдору, прадеду Игнатию и даже его отцу Тихону, которого не знала при жизни. А мне? Кто мне будет ставить свечку? Кто после меня будет хранить всё это богатство? Нина – одна надежда на неё. И детей она воспитывает так же. Главное, успела передать, главное, вложила в Ниночкину голову, всё то, чем жила. А примут они это или нет – одному Богу известно. Наверное, это и есть моё предназначение на земле. Привить следующему поколению любовь и уважение к окружающим. Посеять в них это зерно. Удобрять его. Вложить в их души эти ничем не измеримые ценно-

сти. Я это сделала. А как это сделала? Судить об этом ему! И ответ за это держать тоже перед ним...»

Перекрестившись, Антонина неспешно пошла в сени мыть посуду. Услышав в сенях какое-то движение, на улице залаял пёс Цыган.

– Цышка! – стараясь негромко отругать пса, погрозила с крыльца Антонина. – Чего с утра пораньше разбрехался? А ну, цыц, не то всех перебудуешь. Сейчас я тебе косточек вынесу.

А покормив пса, принялась за посуду.

– Тося! – крикнул со двора Николай. – Встречай гостей! – И пошёл открывать ворота, чтоб впустить лошадь, запряжённую в телегу.

Тося вышла на крыльцо, вытирая руки об полотенце, увидев, что во двор въезжают Лёнька и Елена с маленькой Людочкой, а с ними и мамка Прасковья, она спустилась встречать их.

– Здравствуй, мам! – поздоровалась Тося с Прасковьей.

– И тебе, Тосенька, здравствуй! Вот всей семьёй приехали к вам. Не прогоните? – пошутила Прасковья.

– Ну что ж ты в самом деле? – ответила Тося.

– А ну, Николай, – обратился с телеги Лёнька, – давай принимай подарок, только осторожно, вещь хрупкая.

– А что там? – поинтересовался Николай.

– Неси в дом, там и посмотришь. Да не трясина ты коробку.

– Людочка, иди поздоровайся с крестной, – сказала дочери Елена, – и маленькая Люда подбежала к Тосе, протянула к ней ручки.

– Ох ты, какая хорошая! Да какая же ты у нас большая! – обрадовалась Тося племяннице, взяв её на руки. – А тяжёлая какая. Сколько нам годиков?

– Вот! – показала три пальчика на одной руке и один на другой Людочка.

– Четыре? – переспросила Тося, – Да ты почти совсем невеста!

На что маленькая Люда улыбнулась и утвердительно кивнула головой.

– Ну, ступай в дом, я тебе угощение приготовила, – и Тося опустила Людочку на землю.

– Здравствуй, Лен, – поздоровалась Тося с подошедшей Еленой и, обняв её, поцеловала.

– Здравствуй, Тось.

– Ты что, Лен, поправилась, или мне кажется?

– Лёнька, – обратилась она к брату, – Леночка твоя, поди, целый день дома сидит, ничего не делает. Вот и раздобрела, – не всерьёз сказала она брату.

– А ей положено, пусть себя бережёт, – ответил Лёнька.

– Неужели опять? – удивилась Тося и посмотрела на Елену.

– Ага! – радостно ответила Лена.

– И сколько?

– Четыре месяца примерно.

– Счастье-то какое, – Тося снова обняла Елену. – А как назовёте?

– Валенькой.

– Что, уже к Лукерье сходили?

– Сходили, Тось.

– Одни девчонки в роду. Ты уж давай как-нибудь постарайся Лёньке помощника родить. Ну что же мы стоим, идёмте в дом.

Прошли в дом.

– Давай, Тось, открывай уже коробку, сейчас посмотрим, что там Ляксея с Еленой привезли, – предложил Николай.

– А сам что, не можешь?

– Могу, но боюсь, вдруг не с той стороны открою, всё и посыплется. Но, судя по звуку, там посуда, – и Николай опять слегка потряс коробку. – Во, слышь? Звук, как у стеклотары.

– Стой ты, что ты трясёшь-то, это ж тебе не бутылки в авоське, а сервиз! – Тося бережно взяла коробку из рук Николая и открыла её.

– Батюшки ты мои, красота-то какая! – увидев сервиз, сказала Тося. – Лёнька, и где ты такое чудо достал?

– Мы с Еленой в город ездили, вот зашли в магазин, а сервиз этот вам Лена выбирала.

– Спасибо вам. Коль, глянь какая красота,

– Тося достала и показала одну из тарелок.

– Красиво, – согласился Николай, – такие только в буфет, и пусть стоят как украшение.

– Нет уж, я их на стол сейчас и поставлю. Вот будут Лёнька с Леной и мамой приезжать в гости, я этот сервиз и буду на стол ставить.

Вымыв сервиз, Антонина убрала его в буфет. Проснулся дед Николай. Зашёл на кухню.

– Доброе утречко, Тось.

– Доброе, Коленька, – ответила Антонина, – садись, чаю вместе попьём с блинами, вчера никто их не ел.

– Знать, сейчас с утра съедят. Сметану из чулана надо бы достать.

– Ты опять с утра в чулан хочешь? – строго спросила Антонина.

– Что ты Тось, я всё. Пас. Выхожу из штопора, сходи достань сама, если сомневаешься.

– Верю, Коль, верю. Иди, – и дала ему ключи.

Дед Николай, вернувшись из чулана, принёс литровую банку со сметаной.

– Садись, Коль, я тебе чаю покрепче налила.

– Вот спасибо.

Пили чай молча, слушая, как тикают часы на стене. Дед Николай вытирал пот со лба, дуя на горячий чай, время от времени нахваливая заварку:

– Эх, добрый чай.

Антонина подливала понемногу в блюдце. Включилось радио, заиграл гимн.

– Шесть часов, – сказал дед Николай.

– Да, шесть – тяжело вздохнув, согласилась Антонина. После чего посмотрела на деда и сказала: – Ну иди, возьми... там за буфетом стоит твоя вчерашняя, что в летней нашла. Вижу, тяжко.

– Нет, Тось. Сказал же, что хватит, дел сегодня много.

– Ну смотри, – ответила Антонина, и они дальше продолжили молча пить чай.

Допив чай, Антонина обратилась к деду:
– А всё-таки хорошо-то как, правда ведь, дед?

– Чего хорошо?

– Что крестницы приехали.

– Ещё бы, тоже скажешь... Ты думаешь, я их жду меньше твоего? А ведь у меня камень на сердце, как подумаю, что сегодня уедут.

– Ох, Коля, – вздохнула Антонина, – и не говори.

Проснулась Нина. Затем Людмила с Александром, а после и все остальные. Старики стали звать всех за стол.

– Пойдёмте, мои дорогие, блинков со сметаной поедите. А дед пока в кладовую сходит, достанет, что для работы надо. Усадив родных за стол, Антонина приговаривала:

– Ешьте, ешьте мои дорогие, досыта. Пока не наедитесь, из-за стола не выходите.

– Спасибо, тётъ Тоня, – отозвалась Людмила, – но я много не буду, потому что еда калорийная, жирная, а я за весом своим слежу.

– Людочка, да мы всю жизнь так питаемся, и ни про какие калории не слышали. За день наработаешься, ещё столько же съешь, а после и мало покажется. А если ещё и в баньку после работы, то так и вообще всё с потом выходит.

После завтрака все стали готовиться к работе. Антонина распределяла, кто где будет работать и что делать. Валентина и Алексея послала на крышу, Артёма – выкрасить забор, Веру и Лену – белить в летней кухне, Александра – менять электропроводку в доме, а Людмилу – красить окна. Сама же пошла в курятник, управляться по хозяйству, а деда Николая послала в баню, чтоб приготовил всё к помывке. И закипела работа, дружно спорилось дело – с музыкой и весельем.

Управившись в курятнике и собрав яйца, Антонина пошла по двору, смотреть, как идут дела. Сказать, что она шла и просто смотрела, наверное, было бы не совсем точно, тут скорее подошло бы выражение «любовалась». Любовалась тем, как идёт рабо-

та, и сердце её наполнялось колокольным звоном, ликовало. Всё в этот час было на своём месте, так, как хотела Антонина. Вот век живи и не насытишь взгляда, век живи и не насытишь слух голосами крестниц, смехом их детей и детским плачем Настеньки. На душе был покой и умиротворение.

– Тось, – звал Николай с крыши дома, – выйди на улицу

– Чего, Коль? – отозвалась Тося.

– Молоток у меня упал. Вон, у крыльца лежит. Кинь мне его, пожалуйста, а то спускаться за ним долго буду.

– Я, наверное, не докину.

– Докинешь, размахнись посильнее.

– Тось, ты смотри, в лоб ему не попади, – предупредил её Лёнька, который сидел на крыше рядом с Николаем.

– Да попробуй тут попади, тут докинуть бы. А может, всё-таки спуститесь? А то мало ли.

– Кидай, а попадёшь в лоб – так не беда, у меня в голове всё равно пусто, – пошутил Николай.

– А молоток не жалко? – поддержал Лёнька.

– Лови! – крикнула Тося и, зажмурив глаза, бросила молоток.

– Поймал! – крикнул Николай.

– Я тебя не ушибла?

– Если бы ты в него попала, ты б об этом сразу же узнала, – смеясь, ответил ей Лёнька.

– Спасибо, Тось – поблагодарил Николай. А потом добавил: – Только в следующий раз, когда будешь бросать молоток, глаза не закрывай.

– Хорошо. Пойду на кухню, нам с Леной добелить осталось ещё немного, пол-угла.

– Ага, ступай, Тось. А мы пока тут. Нам тоже осталось немного.

Тося зашла в дом.

– Чего он там тебя звал? – поинтересовалась Елена.

– Молоток у него упал, просил, чтоб я ему закинула.

– Не ушибла?

– Да что ему будет, он даже если с крыши свалится, ничего с ним не станется, – засмеялась Тося. – Для него это не высота. Он на самолёте падал, и ничего. – Тут лицо Тоси стало серьёзным. – Знаешь, Лен, – продолжила она, – я как подумаю, что если бы не чудо, когда его сбили, а он живой остался, мне прям не по себе становится. Я, наверное, всю жизнь буду благодарить Бога за это.

– Слава Богу, что легко отделался, – согласилась Елена.

– Да... – глубоко вздохнув, сказала Тося. – Ладно, давай белить, тут осталось немного.

– Давай уже доделаем, – согласилась Елена.

– И всё-таки хорошо, что Лёнька Николаю помог дом этот построить. И деньгами, и сам инструмент из рук не выпускает. Считай, за пять месяцев построили.

– Конечно, Тось, этот и просторней, и посветлее будет. А мы весной дом ставить будем. Мамка Прасковья говорит, чтоб мы все оставались. А ты же Лёньку знаешь, упёрся и всё. Говорит, дети будут, новый дом им оставим, а под старость в тот передем. Кстати, Тось, ты не забыла, что у нас на следующей неделе первая годовщина свадьбы?

– Как же, – поправляя выбившийся локон из-под косынки, ответила Тося, – захочешь – не забудешь. Вашу прошлогоднюю свадьбу ещё лет тридцать будут помнить. И у нас, и у вас в деревне.

– Вот и всё. Добелили, – закончив, сказала Елена. – Пошли, вёдра и кисти в кладо-

вую отнесём. Эй, мужики! – позвала Елена Лёньку и Николая. – Вы что там сидите, как два голубка на крыше? Воркуете о своём?

– Нет, – ответил Лёнька, – скорее мы соколы, добычу высматриваем.

– И что? Видать? – спросила Тося.

– Видать, – докуривая папиросу, ответил Николай.

– Опять куришь? Обещал же, что бросишь.

– Вот в понедельник, Тось, и брошу.

– Эй, соколики, ну что вы там высиживаете? Спускайтесь! – крикнула Елена.

Тут Тося подошла ближе к Елене и что-то тихонько ей шепнула, после чего они обе засмеялись.

– Это над кем вы там смеётесь? – спросил Лёнька.

– Над вами, соколики, – ответила Тося и опять засмеялась.

Николай подозвал Лёньку и шепнул ему на ухо, над чем те смеются. А Лёнька только переспрашивал у Николая:

– Чего высиживаем?

Николай повторил.

– Какие? Чьи? – опять переспросил Лёнька.

Николай опять шепнул ему.

– Ах вы, бесстыжие, – улыбаясь, сказал Лёнька. – Ну сейчас вы у нас попляшете! – и они с Николаем быстро стали спускаться по лестнице вниз.

– Тоська, бежим! – взвизгнула Елена, и девчата с визгом побежали закрываться от парней в кладовой.

(Продолжение следует)